

43

На правах рукописи

ПРОЗОРОВСКИЙ Анатолий Станиславович

**РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА
В ПРОЦЕССАХ МОДЕРНИЗАЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ ИНДОНЕЗИИ И ЮЖНОЙ КОРЕИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА)**

Специальность 23.00.02 – Политические институты,
этнополитическая конфликтология, национальные
и политические процессы и технологии

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Москва
2007

Работа выполнена в Центре проблем развития и модернизации Института мировой экономики и международных отношений Российской Академии наук

Научный руководитель: доктор исторических наук

В.Г. Хорос

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук
кандидат исторических наук

А.И. ИONOBA
B.Ф. Урляпов

Ведущая организация: Дипломатическая Академия МИД РФ

Защита диссертации состоится «28» февраля 2007 г.
на заседании диссертационного совета Д 002.003.03 при Институте
мировой экономики и международных отношений РАН по адресу 117997,
Москва, Профсоюзная ул., д.23.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института мировой
экономики и международных отношений РАН.

С авторефератом можно ознакомиться на официальном сайте ИМЭМО
РАН www.imemo.ru

Автореферат разослан «28» декабря 2006.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат политических наук

И.Л. Прохоренко

Актуальность темы

После крушения мировой колониальной системы во второй половине XX в. перед народами, освободившимися от внешней зависимости, встали задачи преодоления экономической отсталости, создания современных политических структур, проведения преобразований в сфере культуры, другими словами – задачи всесторонней модернизации. Если для стран Западной Европы вступление в эпоху Нового времени было процессом во многих отношениях естественно-историческим, то уже в странах, представлявших «второй эшелон» мирового капитализма, – таких, как Россия и Япония, – государству приходилось брать на себя роль локомотива обновления, способствовать созданию крупной промышленности, налаживанию финансовых и транспортных систем. Еще сложнее оказалась роль государства в «третьем эшелоне» (к которому принадлежало подавляющее большинство незападных стран). Там ему выпало руководить процессом модернизации едва ли не во всех сферах общественной жизни, самому создавать необходимые предпосылки данного процесса – так или иначе стимулировать рост национального предпринимательства, формировать экономические и политические институты, правовые нормы, системы образования, выдвигать официальные идеологические установки и пр. Масштабы и сложность этих задач объективно требовали высокой централизации государственного управления. С ней же властные элиты развивающихся стран обычно связывали и перспективу политической стабильности в обществах, разделенных внутри себя многообразными этноплеменными, лингвистическими, религиозными барьерами, – тем более что первые попытки освоения западной демократии оказывались, как правило, неудачными, провоцировали всевозможные конфликты интересов, а нередко и кризисы национальной государственности. Откликом на эти вызовы явилось становление авторитарных режимов на большей части «третьемирского» политического пространства, выдвижение «сильных» лидеров, не просто возглавлявших эти режимы, но претендовавших на роль верховных дирижеров процесса модернизации, пытавшихся диктовать его основные направления, содержание и стилистику.

Сегодня, полвека спустя, авторитарные режимы как будто сдают свои позиции в развивающемся мире. Однако уже тот факт, что в подавляющем большинстве стран Азии, Африки и Латинской Америки процессы модернизации все еще далеки от завершения, предостерегает от поспешных суждений об «окончательной победе» демократии, – тем более что новые представительные институты зачастую выглядят достаточно шаткими. Как достижения, так и просчеты модернизаторского авторитаризма представляют собой уроки, имеющие значение не только в пределах национально-государственных границ. Успехи и неудачи соответствующих руководителей дают серьезную пищу для размышления

всем тем, чья деятельность связана с осмыслением процессов модернизации в современном мире, направлена на практическое содействие их продолжению и завершению. На взгляд диссертанта, приведенные соображения подтверждают высокую актуальность избранной темы.

В качестве **объекта исследования** избрана деятельность национального лидера, стоящего во главе авторитарного режима и координирующего политические, экономические, идеологические усилия власти, направленные на модернизацию периферийного общества.

Предметом исследования послужила практика государственного управления и социальных преобразований, сложившаяся в Индонезии и Южной Корее в годы, когда во главе этих стран стояли генералы-президенты Сухарто (1967–1998) и Пак Чжон Хи (1963–1979) – яркие представители модернизаторского авторитаризма. За годы их правления Индонезия и Южная Корея значительно продвинулись по пути социально-экономического развития. Вместе с тем о трудностях, возникших на этом пути, свидетельствует уже то, что Пак Чжон Хи пал жертвой верхушечного заговора (1979), а Сухарто, продержавшийся у власти гораздо дольше, все-таки был вынужден уйти в отставку в разгар Азиатского валютно-финансового кризиса, потрясшего Индонезию не только экономически, но и политически (1998).

Целью исследования был поиск общих моментов и специфических черт, характерных для режимов Сухарто и Пак Чжон Хи, с акцентом на выявление роли верховного лидера в ускорении и регулировании процессов модернизации. Работая в этом направлении, диссертант решал ряд **исследовательских задач**. В частности, рассматривались теоретические подходы к изучению политического лидерства как такового, бытующие в современной политической науке; определялись и подвергались анализу основные причины возникновения авторитарных политических режимов в Индонезии и Южной Корее, обозначались этапы их эволюции; выяснялись причины успехов и неудач, сопутствовавших действиям верховных руководителей двух стран.

Стремясь выявить как сильные, так и уязвимые стороны модернизаторского авторитаризма, диссертант определил **хронологические рамки** исследования как вторую половину XX века, охватывающую не только периоды правления обоих диктаторов, но также времена, предшествовавшие установлению диктатур, и события, последовавшие за их падением.

Теоретико-методологические основы исследования

Проводя изыскания по заявленной теме и стремясь представить объективную картину событий и процессов в изучаемых странах, намерений и поступков их лидеров, диссертант руководствовался принципами историзма, требующими рассматривать и оценивать те или иные явления в конкретном временном и социальном контексте. Выбор предмета исследования предопределил широкое использование методов сравнительного анализа. Что касается подходов диссертанта к феномену модернизаторского авторитаризма, то они отрабатывались с опорой на идеи отечественных авторов и авторских коллективов, опубликовавших в свое время такие этапные труды, как «Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного» (1984) и «Авторитаризм и демократия в развивающихся странах» (1996). Следует особо упомянуть в этом плане концепции первичной, вторичной и третичной моделей капиталистического развития (Н.А.Симония) и трех «эшелонов» мирового капитализма (В.Г.Хорос), а также труды В.Ф. Ли, К.Л. Майданика, Г.И. Мирского, М.А. Чешкова и др.

Прослеживая эволюцию государственно-политических структур независимой Индонезии и Республики Корея, диссертант привлек в качестве **исторических источников** тексты конституций, действовавших в обеих странах в рассматриваемые периоды, сборниками других официальных документов, печатными трудами и текстами публичных выступлений руководителей государств¹. Среди источников этой группы – книга Сухарто «Мои мысли, слова и дела» (1992), книги Пак Чжон Хи «Путь нашей нации» (1970), «Страна, революция и я» (1970), «Построим нацию» (1971), «Сымаиль: новое корейское общественное движение» (1979)². Знакомство с этими публикациями позволило взглянуть на соответствующие политические режимы глазами их лидеров, лучше понять логику и мотивы действий авторитарной власти. С другой стороны, привлекались труды видных оппозиционеров (в частности, статьи Ким Дэ Чжуна³) с оценками тех или иных аспектов деятельности правящих кругов. В ряде случаев (как, например, при рассмотрении обстоятельств введения чрезвычайного положения в Южной Корее в 1972 г.) полезным было и

¹ Конституция Республики Индонезии // Конституции государств Юго-Восточной Азии и Тихого океана. М., 1960; Конституция Индонезии 1945 года – Творение Человека. М., [б.г.]; The 1945 Constitution of the Republic Indonesia. Djakarta, 1966.

² Soeharto. My Thoughts, Words and Deeds – An Autobiography. Jakarta, 1992; Park Chung Hee. Our Nation's path. Seoul, 1970; *idem* The Country, The Revolution and I. Seoul, 1970; *idem*. To build a nation. Wash., 1971; *idem*. Saemaul. Korea's new community movement. Seoul, 1979.

³ Ким Дэ Чжун. Южная Корея: драмы и надежды демократии. М., 1992.

знакомство с материалами исследовательских служб Конгресса США⁴. При реконструкции хода общественно-политических событий второй половины XX в. в Индонезии и Южной Корее использовалась отечественная и зарубежная общественно-политическая периодика того времени. В данной связи хотелось бы специально выделить информационно и аналитически насыщенные статьи из гонконгского еженедельника «Фар Истерн экономик ревью»⁵.

Важной составляющей исследовательского процесса было изучение трудов, в которых так или иначе систематизированы сведения о частной жизни и политической деятельности Сухарто и Пак Чжон Хи. Объемистые **политические биографии** Сухарто опубликованы такими зарубежными авторами, как О.Г. Рудер (1969) и Р.Л. Элсон (2001)⁶. Подчеркнем, что первый из них, имея возможность обозреть лишь первые годы президентства Сухарто (включая 1965-1966 гг., отмеченные жесточайшими проявлениями антикоммунистического террора), сосредоточился на тех аспектах официальной политики, которым сочувствовал вполне. Этого греха не избежал и Элсон. Но все же его работа охватывает весь период правления Сухарто, подводит основные итоги деятельности последнего, выполнена на богатом фактическом материале и в целом представляется не столь тенденциозной.

Что касается обстоятельств жизни и деятельности Пак Чжон Хи, то они с большей или меньшей степенью подробности излагаются в ряде англоязычных изданий, посвященных становлению его режима и кризисным моментам в его истории, эволюции южнокорейской политической системы и проблематике сосуществования двух корейских государств на протяжении последних 50 лет⁷. Кроме того, ряд фрагментов автобиографического характера содержится в собственных книгах Пак Чжон Хи. Хотя информация, приведенная в них, избирательна и далека от полноты, диссертант не считал возможным пренебрегать ею.

Характерно, что в советский период отечественные востоковеды не создали специальных работ монографического формата о Сухарто и Пак Чжон Хи – лидерах, в деятельности которых, в силу их откровенной враждебности коммунизму и репрессий по отношению к левым, предпочитали не замечать акцента на ускорение модернизационных процессов. Тем не менее, нельзя не упомянуть, что при выполнении

4 См., например: Korea and the Philippines: November 1972. A Staff Report for Committee on foreign relations, United States Senate. Wash., 1973.

5 Far Eastern Economic Review. Hong Kong, 1961-1998.

6 Roeder O G. The Smiling General. President Soeharto of Indonesia. Djakarta, 1969; Elson R.L. Suharto: A Political Biography. N.Y., 2001.

7 Oberdorfer D. The two Koreas: a contemporary history. Addison-Wesley, 1997; Joungwon Kim. Divided Korea. The politics of development. 1945-1972. New Jersey, Seoul, 1997.

данной работы диссертант периодически пользовался весьма добротной публикацией М.С. Капицы и Н.П. Малетина – политической биографией первого индонезийского президента Сукарно, дающей хорошее представление об обстановке, в которой формировался как личность и готовился заявить о своих претензиях на власть генерал Сухарто⁸.

Использованная литература и степень разработанности темы

Подготовка диссертации по заявленной теме предполагала, с одной стороны, изучение трудов, в которых обоснованы теоретические подходы к проблеме лидерства как такового и политического лидерства в частности, а с другой, – ознакомление с большим массивом страноведческой литературы.

К наиболее значимым исследованиям первой группы, привлечшим внимание диссертанта, следует отнести монографии американского ученого Джеймса Мак Грегора Бернса и французского политолога Жана Блонделя, а также американского социопсихолога Дж.Белла⁹. Более подробный анализ идей и положений, содержащихся в этих работах, представлен в первой главе диссертационного исследования.

Кроме того, ряд отечественных исследований служил источником общеметодологических оценок, связанных с особенностями государства и практикой государственного руководства в западном мире. Помимо работ, упомянутых при описании теоретико-методологических основ настоящего исследования, необходимо обратить внимание на сборник статей «Общество, элита и бюрократия в развивающихся странах Востока» (научный руководитель и редактор В.Ф. Ли)¹⁰. Будучи новаторской для своего времени, эта книга содержала обоснование особой роли государства в преобразовании постколониальных афро-азиатских обществ (включая индонезийское и южнокорейское).

Что касается отечественных и зарубежных исследований по различным аспектам развития и современного положения Индонезии и Южной Кореи, то, работая с ними, диссертант не в последнюю очередь стремился обозреть «предысторию вопроса» – уяснить, в чем заключались политические, экономические, культурные предпосылки перехода к модернизаторскому авторитаризму в этих странах.

Подчеркнем, что усилиями ряда советских и российских востоковедов создан целый массив исследований, охватывающих различные аспекты новейшей индонезийской и южнокорейской истории. Это, в частности, монографии и статьи о зарождении национально-

⁸ Капица М.С., Малетин Н.П. Сукарно. Политическая биография. М., 1980.

⁹ Burns J. M. Leadership. N.Y. e. a, 1978; Blondel J. Political Leadership: Towards a General Analysis. L., 1987; Bell G. D. The Achievers. Preston-Hill, North Carolina, 1973.

¹⁰ Общество, элита и бюрократия в развивающихся странах Востока. Кн.1-2. М., 1974.

освободительного движения, политической деятельности крупнейших национальных лидеров, организаций и партий, принимавших участие в антиколониальных движениях, войнах и революциях; о роли, которую играли в революционных процессах местные коммунисты; о положении и борьбе внутри правящих элит по вопросу о выборе государственного курса и пути социально-экономического развития; наконец, но не в последнюю очередь, о тех социокультурных особенностях Индонезии и Южной Кореи, без учета которых изучение политических событий и тенденций в этих странах не будет полноценным. Среди авторов, писавших на эти темы, – А.А. Губер, А.Б.Беленький, А.Ю. Другов, Г.Ф. Ким, В.Ф. Ли, В.М. Мазуров, А.Б. Резников, Н.А. Симония, А.В. Торкунов, В.А. Цыганов, Ф.И. Шабшина¹¹.

События, имевшие место в Индонезии и Южной Корее в течение первых двух послевоенных десятилетий, отражены с достаточной полнотой и во многих иностранных исследованиях – в частности, в трудах Дж. Кейна, В. Вертхейма, Г.Фита, ставших классикой, в монографиях Б. Каммингса, А. Нама, Дж. Пэлса, пользующихся заслуженной известностью¹². Существуют, разумеется, и работы, написанные непосредственными очевидцами и участниками событий того времени (к примеру, те же публикации Сухарто и Пак Чжон Хи, о которых говорилось ранее).

Важнейшим аспектом подготовки диссертации был анализ печатных материалов, посвященных происхождению, сущности и деятельности исследуемых политических режимов, тому систематическому лавированию между отдельными элитарными группировками и подразделениями социума, которое столь характерно для авторитарной власти. Среди наиболее содержательных работ, выполненных в СССР/России и освещающих эти вопросы, – книги и статьи Л.М. Демина,

¹¹ Губер А.А. Индонезия. Социально-экономические очерки. М.-Л., 1932; Беленький А.Б. Национальное пробуждение Индонезии. М., 1965; Другов А.Ю., Резников А.Б. Индонезия в период «направляемой демократии» М., 1969; Ким Г.Ф.; Ли В.Ф. Россия и Корея в геополитике евразийского Востока (XX в.). М., 2000; Мазуров В.М.; Национально-освободительное движение в Индонезии 1942-1965 гг. М., 1970; Симония Н.А. Буржуазия и формирование нации в Индонезии. М., 1964., он же Страны Востока: пути развития. М., 1975; Торкунов А.В. Загадочная война. корейский конфликт 1950-1953 гг. М., 2000; Цыганов В.А. Национально-революционные партии Индонезии (1927-1942). М., 1969; он же История Индонезии. Учебник. Ч.2. М., 1993; Шабшина Ф.И. Южная Корея 1945-1946. Записки очевидца М., 1974.

¹² Cummings B. The Origins of the Korean War. Vol.2. The Roaring of the Cataract 1947-1950. N. J., 1990; Feith H. The Decline of Constitutional Democracy in Indonesia. N.Y., 1962; Kahin G.T. Nationalism and Revolution in Indonesia 3-d print N.Y., 1955, Nahm C. A. Korea. Tradition and Transformation. Seoul, 1988, Introduction to Korean History and Culture. Seoul, 1993; Palais B. J. Politics and Policy in Traditional Korea. L., 1991; Wertheim W.F. Indonesian Society in Transition. The Hague-Bandung, 1956.

А.Ю. Другова (А.Ю. Юрьева), В.М. Мазурова, Г.И. Мирского, А.А. Прошина, В.В. Сумского, А.А. Тимонина, В.А. Федорова. Г.И. Чуфрина¹³. Говоря об их коллегах, занимавшихся и занимающихся аналогичными темами за пределами нашей страны, прежде всего в США и Австралии, необходимо назвать такие имена, как М. Ватикотис, Дж. Ким, Д. Кингсбери, Х. Макдональд, Д. Обердорфер, П. Полонка, А. Шварц¹⁴. Особого внимания заслуживают работы А. Шварца, Д. Кингсбери и Д. Обердорфера, для которых характерен очень широкий охват проблем (от экономических и политических реформ до особенностей национального менталитета), в сочетании с привлечением объемного фактического материала.

Постановка вопроса о роли вооруженных сил в процессе модернизации диктуется, применительно к 60–80-м гг. XX в., внутривнутриполитическими реалиями обеих стран. Но если в Южной Корее армию в общем вернули в казармы через некоторое время после переворота, возглавленного Пак Чжон Хи, а за режим полицейского контроля над обществом отвечали прежде всего спецслужбы, то в Индонезии армейское командование активно участвовало в повседневном управлении страной задолго до прихода Сухарто к власти. Для слабого индонезийского государства армия с ее жесткой иерархической структурой была своего рода внутренним стержнем, позволявшим поддерживать в рабочем состоянии всю государственную систему. Об этой ее своеобразной роли подробно писали у нас в советские годы Е.В. Голубева, Г.И. Мирский, Р.Э. Севортьян, в ранний пост-советский период – Л.П. Панченко, а за рубежом – австралийские авторы Д. Дженкинс и Х. Кроуч (уделившие, среди прочего, немало внимания тем принципам

13 Демин Л.М., Другов А.Ю. Чуфрин Г.И., Индонезия: закономерности, тенденции, перспективы развития. М., 1987; Другов А.Ю. Политическая власть и Эволюция политической системы Индонезии (1965-1988). М., 1989; Юрьев А.Ю. Индонезия после событий 1965 г. М., 1973; Мазуров В.М. От авторитаризма к демократии (практика Южной Кореи и Филиппин) М., 1996; Мирский Г.И. «Третий мир»: общество, власть, армия. М., 1976; он же Исторические корни авторитарных тенденций и факторы, способствующие их сохранению // Авторитаризм и демократия в «третьем мире». М., 1991; Республика Индонезия: политика, экономика, идеология 1965-1977 гг. М., 1978; Федоров В.А. Эволюция авторитарных режимов на Востоке. М., 1992; Прошин А.А., Тимонин А.А. Неоколониализм США и Южная Корея. М., 1985; Сумский В.В. Почему держался так долго и почему рухнул в одночасье индонезийский «новый порядок» // Место и роль государства в догоняющем развитии М., 1999.

14 Polomka P. Indonesia Since Sukarno. Blackburn, 1971; Jounghwon Kim. Divided Korea. The politics of development. NJ, Seoul, 1997; Kingsbury D. The politics of Indonesia. Oxford, 1998; Oberdorfer D. The two Koreas: A Contemporary History. Addison-Wesley, 1997. McDonald H. Suharto's Indonesia. Blackburn, 1980; Schwarz A. A Nation in Waiting. Indonesia in the 1990s. Boulder, 1994; Vatikotis M. Indonesian Politics under Suharto: The Rise and Fall of the New Order. L., N.Y., 1999.

ротации военного руководства, которые Сухарто использовал в целях профилактики «брожения умов» в генеральской среде, удаления с политической арены неугодных ему военных группировок и пр.)¹⁵.

Как уже отмечено, авторитарные режимы Сухарто и особенно Пак Чжон Хи в немалой степени способствовали экономическому росту и общему ускорению процессов модернизации. Вопросы экономического роста и развития Индонезии и Южной Кореи нашли подробное освещение в работах Ю.Г. Александрова, М.А. Андреева, В.Я. Архипова, А.А. Бучкина, Л.Ф. Пахомовой, Ю.А. Плеханова, А.А. Рогожина, Н.А. Симония, С.С. Суслиной, а также Ён Ми Кима, Дж. Мэки, Р. Робисона и др.¹⁶.

Анализируя экономический курс режима Сухарто, невозможно обойти вниманием феномен так называемого бюрократического капитализма. Охарактеризованный в работах Н.А. Симония как паразитический, этот вид капитализма формировался в Индонезии еще в период «направляемой демократии» и получил дальнейшее развитие при «новом порядке». О влиянии бюрократического капитализма на функционирование индонезийской экономики, об избирательном покровительстве государства отдельным компаниям и лицам, о всякого рода «обменах услугами» между властью и бизнесом говорится также в работах В.Я. Архипова, а австралиец Р. Робисон посвятил этим вопросам крупное монографическое исследование.

Что касается южнокорейской экономики, то ее подъем был неразрывно связан с таким феноменом, как финансово-промышленные группы-чеболи. Историю возникновения чеболей, их роста и взаимодействия с режимом Пак Чжон Хи подробно освещает

15 Голубева Е.В. Государственная бюрократия и политика: Индонезия и Филиппины 70-80 гг. М., 1988.; Мирский Г.И. «Третий мир»: общество, власть, армия.; Панченко Л.П. Армия и модернизация общества. М., 1994.; Севортян Р.Э. Армия в политическом режиме стран современного Востока. М., 1973; он же Исторический опыт жесткой власти // Авторитаризм и демократия в «третьем мире». М., 1991; Crouch H. The army and politics in Indonesia L., 1978.; Jenkins D. Suharto and his Generals: Indonesian Military Politics 1975-1983. N.Y., 1984.

16 Александров Ю.Г. Современная Индонезия: Аграрная политика 1965-1972 гг. М., 1977; Андреев М.А. Ликвидация экономических позиций голландского империализма в Индонезии. М., 1962; Архипов В.Я. Экономика и экономическая политика Индонезии 1945-1968 гг. М., 1971; Бучкин А.А. Социальная эволюция современной Юной Кореи. М., 1987; Пахомова Л.Ф. Национальный капитал в экономике Индонезии. М., 1966; Плеханов Ю.А. Индонезия: проблемы развития. М., 1980; Плеханов Ю.А., Рогожин А.А. Экономика и политика АСЕАН. М., 1985; Симония Н.А. Индонезия. М., 1978; Суслина С.С. Промышленность Южной Кореи. М., 1988; она же Республика Корея на постиндустриальной стадии развития (конец 80-х - начало 90-х годов). М., 1997; Eun Mee Kim. Big Business, Strong State 1960-1990. N.Y., Albany, 1997; Robison R. Indonesia: The Rise of Capital. Sydney, 1988; The Chinese in Indonesia: Five essays. Honolulu, 1976.

жужнокорейский исследователь Ён Ми Ким. Многие данные о состоянии экономики Южной Кореи на разных этапах истории этой страны, о государственной политике поощрения индустриализации и промышленного экспорта диссертант почерпнул в работах С.С. Суслиной.

Становление обоих режимов проходило в условиях противостояния двух мировых систем, что не могло не сказаться на внешнеполитических действиях Сухарто и Пак Чжон Хи. Как для Индонезии, так и для Южной Кореи под властью авторитарных правителей были характерны, при несомненной политико-идеологической ориентации на США и другие страны Запада, определенные противоречия с ними, включая и такие, которые вытекали из различий в понимании текущих задач модернизации. Среди тех, кто преподносит проблемы этого ряда компетентно, со многими тонкостями и оттенками, назовем Н.П. Малетина и В.Ф. Урляпова, а также М. Лифера и Д. Обердорфера¹⁷.

Процесс ускоренной модернизации не может не проверять на прочность традиционные системы ценностей, складывавшиеся веками. Перед обществом возникает комплекс задач, успешное решение которых невозможно не только без четкого администрирования, но и без определенных объединяющих идей, адекватного идеологического обеспечения. Индонезия – одна из тех стран, на примере которых отечественные востоковеды особенно хорошо проработали вопросы, связанные с предысторией и эволюцией официальных идеологий, а также ряда неофициальных идейных течений в условиях авторитарных режимов. Об этом свидетельствуют книги таких ученых, как А.Б. Беленький, Л.М. Ефимова, А.И. Ионова, В.В.Сумский¹⁸.

При работе над диссертацией автор обращался к научной литературе, в которой подвергнута анализу культурная специфика Индонезии и Южной Кореи, и в особенности их политические культуры. Без знаний об этом зачастую невозможно понять мотивы, которыми руководствовались верховные лидеры при принятии тех или иных решений (не говоря о форме, в которую эти решения облекались). Вопросам социо- и политико-культурного облика рассматриваемых стран посвящен ряд работ таких видных отечественных исследователей, как С.В. Волков, А.Ю. Другов,

17 Малетин Н.П. Внешняя политика Индонезии 1965-1979 гг. М., 1981; Урляпов В.Ф. Индонезия и международные отношения в азиатско-тихоокеанском регионе. М., 1993; Leifer M Indonesia's Foreign Policy. L, 1983.

18 Беленький А.Б. Идеология национально-освободительного движения в Индонезии 1917-1942 гг. М, 1978.; Ефимова Л.М. Современный ислам и политика на зарубежном Востоке. М., 1986; Ионова А.И. «Мусульманский национализм» в современной Индонезии 1945-1965 гг. М., 1972; Сумский В.В. Национализм и Авторитаризм. Политико-идеологические процессы в Индонезии, Пакистане и Бангладеш. М., 1987.

С.С. Кузнецова, А.Н. Ланьков¹⁹. Опираясь на их достижения, диссертант не мог оставить без внимания и построения ряда маститых зарубежных авторов (в первую очередь американцев Б. Андерсона и К. Гирца, дающих важные ключи к пониманию политического поведения яванцев как представителей крупнейшего из этносов Индонезии)²⁰.

Поскольку тема экономических и политических изменений в рассматриваемых странах после того, как режимы Сухарто и Пак Чжон Хи прекратили свое существование, также затронута в диссертации, автор был должен ознакомиться с литературой, в которой эти изменения так или иначе отражены. Среди материалов, особенно пригодившихся в этом отношении, – статьи Е.П. Бажанова, в которых дан анализ современного политического развития Южной Кореи²¹.

Заключая данный обзор, хотелось бы подчеркнуть, что для целого ряда книг и статей, посвященных Индонезии и Южной Корее второй половины XX в., все-таки характерен скорее акцент на крупных событиях и процессах, имевших место в эпоху господства авторитарных режимов, чем на личностях, помимо которых никакие события и процессы происходить не могли. Особенность данной диссертации в том, что в ней предпринята попытка взглянуть на феномены модернизации Индонезии и Южной Кореи с учетом *личностного* фактора, который придает даже сходным явлениям уникальность и неповторимость.

Научная новизна диссертационного исследования связана прежде всего с тем, что впервые в отечественной (и, насколько можно судить, зарубежной) научной литературе роль национального лидера в процессе модернизации показана путем сравнительного анализа материалов таких развивающихся стран, как Индонезия и Южная Корея.

При этом общий взгляд на деятельность Сухарто и Пак Чжон Хи во многом определялся пониманием, что форсированное развитие в странах второго и третьего «эшелонов» мирового процесса модернизации, особенно на начальных своих этапах, едва ли не повсюду протекает при активном участии авторитарной власти. Отсюда – правомерность акцента на созидательных аспектах деятельности режимов «сильной власти». Подобный акцент, как представляется, отличает данную работу от

19 Волков С.В. Чиновничество и аристократия в ранней истории Кореи М., 1987; Другов А.Ю. Индонезия: политическая культура и политический режим. М., 1997; Кузнецова С.С. У истоков индонезийской культуры. М., 1989; Ланьков А.Н. Политическая борьба в Корее XVI-XVIII вв. СПб, 1995; он же. Корея: будни и праздники. М., 2000.

²⁰ Anderson B R O'G. The Idea of Power in Javanese Culture // Culture and Politics in Indonesia. Ithaca-L., 1972, Geertz C. The Religion of Java. Chicago-L., 1976

²¹ Бажанов Е.П. Актуальные проблемы международных отношений (в 3-х томах). М., 2001-2002.

подавляющего большинства трудов об Индонезии при Сухарто и Южной Корее при Пак Чжон Хи, выполненных отечественными учеными.

Вместе с тем диссертант стремился избегать апологетики, отдавая себе отчет в том, что можно назвать парадоксами и ловушками авторитарной модернизации. Так, авторитарный режим, озабоченный развитием национального бизнеса и поощряющий его, постоянно рискует переступить черту, за которой властный патронаж оборачивается сращением бюрократической и деловой верхушки, что чревато негативными последствиями.

Немаловажно и то, что социально-экономические сдвиги, вроде бы создающие предпосылки будущей демократизации, в более близкой перспективе отзываются растущей подвижностью различных общественных групп, проявлениями политической нестабильности, вынуждая правителей скорее к дальнейшей централизации власти, чем к мерам обратного рода. С вызовами как первого, так и второго типа пришлось столкнуться и Сухарто, и Пак Чжон Хи. Взгляд на их деятельность сквозь призму этих вызовов, сопоставление двух генералов-президентов с учетом того, как каждый из них откликался на эти вызовы, – особенность данной работы, опять-таки позволяющая говорить об ее новизне.

На защиту выносятся следующие положения:

Анализ деятельности двух национальных политических лидеров в Индонезии и Южной Корее позволяет выявить не только типологическое сходство в обоих случаях (в плане характеристики авторитарного режима, функций самого лидера, целей его деятельности и пр.) и определенные отличия, связанные с особенностями названных личностей и их стран, но и некоторые тенденции и закономерности политических процессов в контексте модернизации, в частности:

- Форсированная «догоняющая» модернизация в развивающихся странах, представляющих «третий эшелон» мирового капитализма, предполагает доминирующую роль государства, как правило авторитарного.
- Модернизаторский авторитаризм образует властную пирамиду с национальным лидером во главе, не только персонифицирующим политический режим, но и являющимся гарантом проводимых преобразований.
- Дирижистская политика модернизаторского авторитаризма в принципе не исключает тех или иных форм «обратной связи» с обществом.
- Сращение бюрократии и бизнеса («бюрократический капитализм») – характерная особенность модернизаторского авторитаризма, таящая в себе опасность эрозии политических структур и торможения процессов модернизации.

- Модернизаторский авторитаризм (даже при определенной его жесткости) не воздвигает непреодолимых препятствий на пути к демократии. Напротив, решая вопросы экономического и социального развития, он возвращает средний класс, создает предпосылки политической либерализации, и постепенно размывает основы собственного существования.

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании Центра проблем развития и модернизации ИМЭМО РАН. Основные выводы и отдельные положения диссертации прошли **апробацию**, в ходе выступлений диссертанта на ряде научных конференций, в научных статьях (в том числе для журнала «Мировая экономика и международные отношения»).

Практическая значимость диссертации состоит в том, что ее материалы могут быть использованы в лекционных курсах, при подготовке востоковедов-политологов и историков. А также, она может послужить источником оценок и фактологических данных для сотрудников российских государственных учреждений, занимающихся анализом политической и экономической динамики стран Восточной Азии как перспективных внешнеполитических партнеров РФ.

Структура и основное содержание диссертации.

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы. Во **введении** содержатся обоснования актуальности темы, обозначены объект, предмет и хронологические рамки исследования, выявлены его теоретико-методологические аспекты, представлены сведения об источниках и использованной литературе, высказаны соображения о научной новизне диссертации и ее возможном практическом применении.

Глава первая «Политическое лидерство: теоретические аспекты» посвящена рассмотрению имеющихся в научной литературе, в основном зарубежной, концепций политического лидерства. Проблема политического лидерства особенно важна для развивающихся стран или для стран с переходной экономикой, поскольку в данном контексте роль национального лидера представляется более значительной, чем в устоявшихся, развитых обществах. Вместе с тем большинство западных ученых, занимающихся этой проблемой, считают, что на сегодняшний день теория политического лидерства находится еще в процессе становления и разработана слабо, а сами они лишь наметили в своих работах некоторые подходы к ее созданию.

Например, Джеймс Мак Грегор Бернс различает лидеров исходя из мотивов, с которыми они идут во власть. Это позволяет ему выделить два

типа лидеров – «деловой» (transactional) и «преобразующий» (transforming). «Деловой» лидер стремится к власти, побуждаемый властолюбием, жадной богатства, славы, престижа, его предвыборная программа рассчитана прежде всего на получение голосов избирателей. Лидер «преобразующего» типа ориентирован в первую очередь на проведение широкомасштабных изменений и реальные улучшения жизни²².

Бернс рассматривает любого лидера прежде всего как личность и уделяет особое внимание процессу ее формирования, а именно воспитанию, образованию, отношениям в семье и пр. Реальные исторические условия при этом отходят зачастую на второй план, уступая место так называемым «критическим точкам», то есть поворотным моментам в жизни лидера, событиям, повлиявшим на формирование его характера и устремлений как политика.

Иной взгляд на проблему политического лидерства высказывается французским политологом Жаном Блонделем²³. Он различает власть имущих и собственно политических лидеров. Первые становятся вторыми при удачном стечении обстоятельств. Ситуация как бы выносит подходящих людей из среды управленцев на вершины политической жизни, при этом отличие политического лидера от простого функционера будет заключаться в наличии у лидера качеств, востребованных конкретным моментом, и в более крупных масштабах деятельности.

В разделе приводится ряд классификаций лидеров, предложенные Ж. Блонделем, М. Вебером, Дж. Беллом. Вместе с тем рассмотрение этих подходов позволяет сделать вывод о том, что изучение личностно-психологических и функциональных характеристик лидерства недостаточно для понимания этого феномена. Более важным выглядит определение *содержания и результатов* деятельности того или иного лидера. Иначе говоря, тип лидера должен быть понят на фоне конкретной исторической ситуации или эпохи, определенного этапа развития общества, в контексте соответствующих общественно-исторических и социокультурных традиций.

Поскольку для политических лидеров в развивающихся обществах историческая ситуация непосредственно связана с процессом модернизации, то необходимо определить, что такое модернизация, каковы ее особенности в «третьем мире» по сравнению с развитыми странами, как протекает «запоздавшая» модернизация. Все эти вопросы диссертант рассматривает в главе, опираясь на разработки научного коллектива Центра проблем развития и модернизации ИМЭМО РАН.

²² Burns J. M. Leadership., p. 3.

²³ Blondel J. Political Leadership: Towards a General Analysis. L., 1987.

Как показала реальная практика, попытки прямо скопировать опыт развитых стран в тех или иных сферах общественной жизни (прежде всего в политической), в контексте стран Востока и Юга, как правило, не давали положительных результатов. Зачастую решение многочисленных и масштабных проблем «запоздалой» модернизации осуществлялось на путях авторитаризма. Данное явление было настолько характерным в 50-70-е гг. XX в. для государств Азии, а также Африки и Латинской Америки, что можно говорить об авторитаризме как о характерном, типичном этапе политической модернизации в ряде периферийных стран.

Касаясь роли авторитаризма и государственной власти, диссертант особо выделяет роль модернизаторского авторитаризма. Его отличие от иных форм авторитарного правления заключается в способности значительно ускорить процесс модернизации (прежде всего экономической) за счет ограничений в политической сфере, организации планирования развития и мобилизации общества для решения поставленных властью задач. В перспективе же экономическая модернизация создает ряд социально-экономических предпосылок для политической либерализации и перехода от авторитаризма к демократии.

Во второй главе «Сухарто и «новый порядок» в Индонезии» диссертант, руководствуясь принципом историзма, анализирует события, произошедшие в Индонезии во второй половине XX в., уделяя особое внимание президентскому правлению Сухарто.

В главе содержится предыстория «нового порядка» – краткий обзор результатов голландского колониального владычества и периода японской оккупации, а также более подробный анализ событий первых лет индонезийской независимости. Наиболее значимой в этой теме представляется война за независимость, которая не только завершилась полной победой Индонезии в августе 1949 г, но и сделала армию важнейшей силой на политической арене, что надолго предопределило послевоенную судьбу страны.

Обретенные в борьбе единство и независимость довольно быстро, однако, оказались под угрозой из-за сильных разногласий в структурах власти. Основной причиной здесь было то, что революция и война подвергли массы сильнейшей политизации. В условиях огромного островного государства, со множеством этносов, традиций, религий и в целом невысоким уровнем образованности, это обернулось политизацией партикуляристских предрассудков. Парламент же, ответственный за проведение политического курса, оказался отражением общества, страдавшего от многочисленных слабостей и противоречий.

Стремясь вывести страну из политического и экономического кризиса, президент Сукарно взял курс на установление в стране «направляемой демократии», суть которой заключалась в возврате к

президентскому правлению и подчиненной роли представительной власти. Особая функция отводилась армии, которая должна была помочь осуществить поворот в политике и привести к повиновению мятежные окраины (Суматру, Калимантан, Сулавеси). Тем не менее, в условиях «направляемой демократии» президентская власть покоилась на весьма шатком основании. Будучи лидером харизматического типа, Сукарно не уделил должного внимания созданию собственной партии власти. Основные его опоры – армия и компартия – находились в конфронтации между собой и готовились всерьез померяться силами.

Для решения конкретных задач исследования диссертант рассмотрел особенности индонезийской политической культуры, в том числе, восприятие индонезийцами феномена власти. Если в контексте европейской культуры власть воспринимают как способность одного индивида навязать свою волю другим, то в индонезийском обществе, особенно на Яве и Мадуре, сильно традиционное восприятие власти как проявления божественной энергии, не имеющей конкретной формы, но подлежащей аккумулированию на индивидуальном уровне²⁴. Такой взгляд обуславливает и своеобразные представления о легитимности правителя. В сознании рядового индонезийца настоящим считается не столько всенародно избранный руководитель, сколько тот, кто своими успехами в управлении сумел доказать, что обладает достаточной энергией власти. Напротив, правитель, допустивший неурядицы в государстве, с трудом восстановит свой авторитет, так как в глазах людей он утратил божественную энергию, что свидетельствует по меньшей мере о его слабости, а по большому счету и о «незаконности».

Не переоценивая роль традиционной политической культуры в современной жизни Индонезии, диссертант, вместе с тем, учитывал, что если национальные лидеры часто пользовались образами и языком традиционной политической культуры в сугубо имиджевых, пропагандистских целях, то в народе такие приемы находили (и находят по сей день) живейший отклик.

Также диссертант исследует жизненный путь и деятельность Сухарто. Учитывая, что «школой жизни» для будущего президента была армия, диссертант указывает на некоторые особенности индонезийских вооруженных сил. Победа в революции позволила армии как наиболее организованной и образованной части общества претендовать на участие в политической и хозяйственной жизни страны, что в условиях слабой дееспособности государственного аппарата выглядело вполне естественным. Однако доктрины «двойной функции» (т.е. участия в общественно-политической жизни помимо выполнения прямых

²⁴ Подробнее об этом см.: *Geertz C. The Religions of Java. Chicago, L., 1976, p. 232.*

обязанностей по обороне страны) и «гражданской миссии» вооруженных сил санкционировали подъем офицеров и генералов на вершину административно-хозяйственной пирамиды, где они вместе с высшими гражданскими чиновниками образовали ядро «нового класса» – бюрократическую буржуазию, деятельность которой нанесла серьезный ущерб экономике страны.

Не остался в стороне от этого процесса и Сухарто. Подтверждением этого может служить факт снятия будущего президента с должности командующего элитной дивизией «Дипонегоро» по обвинению в коррупции. Дело было замято, Сухарто направили на повышение квалификации с последующим переводом на службу в генштаб. События 30 сентября 1965 г. застали его на посту командующего стратегическим резервом – самыми мобильными войсками Индонезии.

Анализируя исполненный трагизма и при этом исключительно запутанный момент индонезийской истории, связанный с событиями 30 сентября 1965 г. диссертант разбирает многочисленные версии, которые были выдвинуты западными исследователями в 70-е – 80-е гг., и привлекает некоторые данные, открывшиеся уже после падения Сухарто. Роль самого Сухарто диссертант оценивает как роль военачальника, обладавшего разносторонней информацией о подготовке переворота, что давало возможность оценить шансы сторон на успех, представить собственные выгоды от происходящего, занять формально непогрешимую позицию защитника конституции и президента и в итоге – переиграть всех.

В главе рассматриваются процесс становления «нового порядка» и соответствующая структура власти. Основными опорами режима Сухарто были многочисленные спецслужбы, армия и китайские предпринимательские круги. За вопросы макроэкономической политики и связи западными донорами отвечали технократы из Управления планирования национального развития (БАППЕНАС). Поддержку режима на периодическом проходивших парламентских выборах и контроль над парламентом должна была обеспечивать партия власти – Голкар, состоявшая из государственных служащих всех рангов. Оппозиционные партии сохранялись, но их число сократили до двух (Партия единства и развития и Демократическая партия Индонезии), и серьезно противостоять Голкару, за которым стояла вся мощь военно-бюрократической системы, они не могли. Что касается идеологического обеспечения, то в его основе остались принципы «панча сила», выдвинутые еще на заре независимости первым индонезийским президентом Сукарно. Весьма общая формулировка этих принципов («демократия», «социальная справедливость», «гуманизм» и др.) позволила «новому порядку» толковать их в приемлемом для себя ключе.

Несмотря на весьма жесткий контроль над обществом со стороны властей, «новый порядок» неоднократно испытывался на прочность со стороны различных оппозиционных сил, порой патронируемых соперниками президента внутри правящей элиты. Так было в ходе политического кризиса 1973-1974 гг., когда уличные вспыхнули не без пострекательства со стороны спецслужб. В 1976 г. яванский неформальный общественный лидер и религиозный мистик Савито Картовивово предпринял попытку морального давления на Сухарто с привлечением традиционных авторитетов. В 1980 г. имел место антипрезидентский демарш, получивший название «Петиции пятидесяти». Недовольство зрело в рядах оппозиции, армии и среднего класса. Однако все эти угрозы Сухарто сумел отразить, чему способствовала значительная политическая гибкость, умение не только «подкручивать гайки», но и «выпускать пар из котла». Кроме того, в активе сухартовского режима были в те годы немалые экономические успехи.

Упор на экономическое развитие с самого начала стал важной составляющей политики «нового порядка». Однако быстро растущая индонезийская экономика имела свои уязвимые стороны, которые впоследствии сыграли свою роль в падении режима. В то время как экономическую команду Сухарто составляли молодые технократы, реальный производственный сектор находился в руках бюрократических капиталистов, высших чиновников в погонах и без погон – друзей, знакомых или родственников президента, а также крупных китайских бизнесменов. Их бесконтрольная экономическая и финансовая деятельность не однажды оборачивалась для страны пагубными последствиями, причем в моменты вполне благоприятной макроэкономической конъюнктуры.

Сложной проблемой было реформирование аграрной сферы. Земельной реформы, подобной тем, что прошли в НИСах первого поколения, в Индонезии не было. Проблему нехватки земли «новый порядок» пытался решать за счет переселения крестьян на «внешние острова» и путем «зеленой революции». Это позволило достичь в 80-х гг. самообеспечения рисом и даже начать его экспорт. Однако аграрная проблема как таковая не только не решалась, но обретала новую остроту. По мере индустриализации крестьянские наделы на Яве неуклонно сокращались, отходя под промышленные зоны и районы растущих городов, тогда как на «внешних островах» подспудно зрели конфликты между коренным населением и мигрантами-яванцами.

Автор, подводя итоги правления Сухарто, отмечает, что в целом страна под его руководством продвигалась по пути модернизации. Макроэкономические показатели свидетельствовали о высоких темпах роста индонезийской экономики (в 90-х гг. 5-7% и даже до 8% в 1996-1997

гг.). В 1983 г. Всемирный банк отнес Индонезию в разряд стран со средним уровнем доходов²⁵. Стране удалось наконец-то решить продовольственную проблему, создать ряд предприятий тяжелой, автомобильной, авиационной и химической промышленности, приступить к освоению современных наукоемких технологий. Доходы от продажи нефти позволили построить тысячи школ и сделать начальное образование доступным практически для всех индонезийских детей. В стране начал складываться современный средний класс.

Все эти показатели являлись одновременно и предпосылками демократизации системы. Однако авторитарный режим Сухарто не спешил эволюционировать в этом направлении по ряду причин. Во-первых, деятельность тесно связанных с Сухарто китайско-индонезийских бизнес-групп, являвшихся фактическими хозяевами экономики страны, напрямую зависела от его бессменного нахождения у власти. Во-вторых, режим зарождался в разгар кровавого катаклизма 1965-1966 гг. Сухарто же играл в тех событиях одну из центральных ролей и не мог не нести свою долю ответственности за тогдашние кровопролития. Иными словами, Сухарто не мог пойти на политическую либерализацию из чувства элементарного самосохранения.

Благодаря усилиям спецслужб и экономическим успехам ему удалось продержаться у власти удивительно долго. Но, как уже отмечалось, его режим страдал существенными пороками. Злоупотребления властью со стороны высших должностных лиц, неподконтрольность привилегированного бизнеса государству как таковому, финансовые махинации власть имущих ослабляли страну и ее экономику на всем протяжении правления Сухарто. До тех пор, пока корыстные интересы власти и ее ближайшего окружения уравнивались экономическими успехами, система функционировала. Однако Азиатский кризис обрушил национальную валюту, дал толчок хозяйственному спаду, какого в Индонезии не было с середины 60-х годов и спровоцировал с столице крупные беспорядки, вынудившие Сухарто уйти в отставку.

В третьей главе «Пак Чжон Хи и форсированная модернизация в Южной Корее 1961-1979 гг.» диссертант анализирует ситуацию, складывавшуюся в Южной Корее во второй половине XX в., особенно в годы, когда страну возглавлял Пак Чжон Хи.

Рассматривая предысторию режима, диссертант дает краткий обзор корейской истории периода японского владычества. В то время Корея была превращена в японскую военно-промышленную базу на континенте. С 1930-х гг. на севере страны создавалась металлургическая и химическая

²⁵ Цыганов В. А. История Индонезии., с. 208.

промышленность, а в социально-политической сфере происходила насильственная японизация под прикрытием идей панназиатизма и корейско-японского «братства».

Поражение Японии во Второй мировой войне позволило корейцам, не дожидаясь прихода союзников, приступить к созданию народных комитетов и других национальных органов самоуправления, делегаты которых объявили на съезде 6 сентября 1945 г. в Сеуле о создании Народной республики. Предусмотренный мировыми державами план опеки над Кореей был принят в штыки националистической оппозицией как на севере, так и на юге страны. Кроме того, начавшееся противостояние США и СССР завело решение корейского вопроса в тупик, что в итоге вылилось в раздел Кореи и обострение отношений между двумя ее частями.

Корейская война 1950-53 гг. обратила страну в руины, не принеся решающего успеха ни одной из сторон. В главе приводится мнение американского исследователя Брюса Каммингса о том, нападение КНДР²⁶ ожидалось Пентагоном, отводившему Южной Корее роль пешки, жертва которой давала бы повод для широкомасштабного применения силы, ликвидации северокорейского режима и приостановления дальнейшего распространения коммунистического влияния в Азии.²⁷ Однако вступление в войну китайских «добровольцев» спутало все карты.

Благодаря войне южнокорейскому президенту Ли Сын Ману на в сравнительно короткий срок удалось укрепить свой авторитет в армии, бюрократии и полиции, осуществить немаловажные мероприятия в области экономики (в частности, создать ряд промышленных предприятий, вокруг которых в дальнейшем сложились первые финансово-промышленные группы – *чеболи*). Была проведена аграрная реформа, что имело большое значение для всего последующего хода модернизации.

Вместе с тем, отмечается, что страна в тот период жила за счет иностранной, главным образом американской помощи, а политическое верховенство Ли Сын Мана и его партии в немалой степени зависело от поддержки сельского населения, традиционно принимавшего сторону власти²⁸, как и от лояльности полицейских сил. Сокращение американской помощи в 1958-1959 гг. привело к падению производства, росту инфляции и безработицы, а последовавшая за этим фальсификация выборов 1960 г. вызвала массовые беспорядки и отставку Ли Сын Мана.

Приход к власти в 1960 г. либерально-демократической оппозиции

²⁶ Подробнее о начале Корейской войны см.: *Торкунов А.В. Загадочная война: корейский конфликт 1950-1953 годов.*, с. 75.

²⁷ *Bruce C. The Origins of the Korean War. Vol.2.*, p. 614-615.

²⁸ *Загорский А.В. Проблемы демократии в первых республиках 1948-1961// Республика Корея: становление современного общества. М., 1996, с. 43.*

во главе с Чан Меном сопровождался значительным ростом политического плюрализма, обернувшегося, однако, неспособностью элиты выработать некое подобие консенсуса. Подобные ситуации (в частности, феномен периодически обостряющейся фракционности в верхах) характерны для корейской политической культуры, что специально разъясняется диссертантом. В случае с правительством Чан Мена непреодоленная фракционность верхов обернулась политическим кризисом, экономической дестабилизацию, ростом прокоммунистических настроений. Тем самым готовилась почва для прихода к власти военных во главе с Пак Чжон Хи.

Также в главе анализируются структура и особенности созданной Пак Чжон Хи авторитарной системы. Исследуются экономические успехи Южной Кореи, а также причины ужесточения режима после 1972 г.

Основными опорами авторитарного режима Пак Чжон Хи явились Корейское центральное разведывательное управление (КЦРУ) и Управление экономического планирования. Эти учреждения обеспечивали ведущую роль государства в политической и хозяйственной жизни.

Придя к власти, Пак сразу же изменил «правила игры», призвав ведущих представителей буржуазии отказаться от поиска легкой наживы и заняться наращиванием реального производства. Основой модернизирующейся экономики стали *чеболи*. Возникшие в конце 50-х гг., они были организованы по типу японских монополий *дзайбацу*, отличаясь сильной отраслевой диверсификацией, а также семейно-клановым принципом управления.

Экономика Южной Кореи базировалась на так называемом «двойном индустриальном росте», при котором становление экспортных трудоемких служило прологом к развитию капиталоемких отраслей промышленности, а те, в свою очередь, по мере совершенствования и роста начинали работать на экспорт, закладывая фундамент для наукоемких производств²⁹. Ключевую роль в создании такой экономики должно было играть государство. Оно удерживало «командные высоты», ограничивая действия рыночного механизма, регламентируя распределение кредитов и экспортных субсидий, контролируя внешнеторговые операции и регулируя цены. Законодательно запретив крупному бизнесу иметь свои банки и сосредоточив в своих руках контроль над денежными потоками, Пак Чжон Хи лишил южнокорейских предпринимателей финансовой независимости и, по сути дела, встал над ними в качестве верховного государственного контролера.

²⁹ См. подробнее: Симония Н.А. Уроки китайских и южнокорейских реформ для России// На скрещении мировых и локальных закономерностей. Россия, КНР и Республика Корея. М., 1996, с. 17.

При всем том форсированная модернизация оборачивалась в южнокорейском случае (как, впрочем, и не только в нем³⁰) ростом социальной напряженности и всякого рода диспропорциями развития. Их частным, но тревожным проявлением было отставание сельских районов от городов и промышленных центров. Для преодоления этой негативной тенденции Пак Чжон Хи приступил в 1971 г. к реформированию аграрного сектора. При этом ставка делалась как на механизацию и химизацию сельского хозяйства, так и на поощрение традиционного трудолюбия, коллективизма и взаимовыручки корейских крестьян. Эти моменты в сочетании с конфуцианскими ценностями, национализмом и антикоммунизмом использовались Паком в качестве основы националистической южнокорейской идеологии, которая в дальнейшем была доработана и активно насаждалась не только на селе, но в городах и на промышленных предприятиях.

Однако подобных мер для эффективного контроля над пребывавшим в состоянии брожения и далеко не всем довольным южнокорейским обществом было недостаточно. В результате в октябре 1972 г., стремясь обезопасить не только свою личную власть, но и тот курс, который уже принес серьезные результаты, Пак пошел на ужесточение системы государственного управления. Подобному сдвигу благоприятствовал и ряд других обстоятельств, в том числе определенные перемены в отношениях с США. К 1971 г. их экономическая помощь прекратилась, а военная помощь составляла лишь 10% бюджетных расходов на оборону, что не позволяло Америке больше оказывать экономическое давление на Пака, как раньше, удерживая от нежелательных с точки зрения Вашингтона шагов. Характерно, наконец, что в тот период правоавторитарные режимы, ориентированные на ускоренный экономический рост, оформились во многих странах Восточной и Юго-Восточной Азии (Индонезия, Тайвань, Таиланд и др.) В этом плане Пак Чжон Хи не отступал от общерегиональной тенденции и действовал даже с оглядкой на нее.

В октябре 1972 г. Пак Чжон Хи ввел военное положение и присвоил себе новые, по существу диктаторские полномочия. Данная политическая система, известная как «Юсин», сосредотачивала в руках Пак Чжон Хи колоссальную власть и позволяла узаконить его пожизненное президентство. Безусловно, при режиме «Юсин» Южная Корея продолжала успешно двигаться по пути экономической модернизации и по

³⁰ Положение о том, что процесс ускоренной модернизации несет в себе угрозу политической дестабилизации, а с нею и срыва модернизационных мероприятий, обосновано у С. Хантингтона. См.: *Huntington S P. Political Order in Changing Societies. New Haven—L., 1968, p. 41.*

ряду показателей стала приближаться к уровню развитых стран. Однако ни значительные успехи в экономике, ни «закручивание гаек» и репрессивные меры по отношению к политической оппозиции не стали панацеей от новых проявлений нестабильности. Лишенная последних надежд на победу в электоральном состязании, оппозиция развернула уличные протесты, что привело к крупному политическому кризису летом 1979 г. А 26 октября 1979 г. режиму был нанесен смертельный удар: в результате покушения, совершенного начальником КЦРУ, Пак Чжон Хи был убит. Как позднее установил суд, начальник КЦРУ Ким Чжай Кю имел сообщников в рядах армии и президентской администрации. Иными словами, к 1979 г. недовольство правлением Пака затронуло различные слои южнокорейского общества, включая политическую и военную элиту. Из этого можно сделать вывод, что модернизаторский авторитаризм в Южной Корее (по крайней мере, в том виде, в каком он существовал к концу правления Пака) нуждался в трансформации.

Третий раздел содержит краткий обзор событий, последовавших в Южной Корее за убийством Пак Чжон Хи и концом системы «Юсин». Либерализация экономики, проводившаяся в ходе правления президентов Чон Ду Хвана и Ро Дэ У, а также демократизация государственной системы, начавшаяся в 1988 г., привели к тому, что у представителей государственно-политической элиты и крупного бизнеса возникло множество точек соприкосновения и мотивов к сближению. Иными словами, в Южной Корее стали появляться элементы, свойственные системе бюрократического капитализма. Конечно, они были не настолько сильны и проявлялись не столь явно, как в Индонезии, где бюрократия, патронируя предпринимателей, сплошь и рядом сама активно (порой почти легально) занималась коммерцией, но последствия растущей коррупции и финансовых махинаций не замедлили сказаться на прочности всей южнокорейской экономической системы.

Либерализация финансовой сферы, проведенная, по мнению ряда южнокорейских экспертов, чересчур поспешно и непродуманно, привела к бурному росту задолженности ряда банков и чеболей по краткосрочным кредитам, которые набирались для осуществления долгосрочных проектов. Азиатский финансовый кризис 1997-1998 гг. выявил серьезные проблемы ряда чеболей и крупных банков, что поставило экономику страны в трудное положение.

Но все же таких тяжелых потрясений, какие пережила тогда же Индонезия, Южная Корея не испытала. Среди прочего, это свидетельствует о достаточной основательности экономической системы, созданной в период правления Пак Чжон Хи.

В заключении подводятся основные итоги исследования, выявляются как сходные черты, так и различия в индонезийском и южнокорейском вариантах политического авторитаризма.

Сходство связано прежде всего с определенным параллелизмом стадиально-исторических условий обеих стран (освобождение от колониальной зависимости, роль армии в этом процессе, необходимость ускоренного развития, противостояние «коммунистической опасности» в контексте биполярного мира и пр.). Сходны были и предпосылки прихода к власти рассматриваемых лидеров (кризисная ситуация в результате отсутствия консенсуса в обществе). Все это привело к созданию однотипных режимов, проводивших стратегию ускоренной модернизации. И в этих процессах оба лидера сыграли значительную роль.

И в Индонезии, и в Южной Корее важнейшим исходным пунктом строительства дееспособной авторитарной власти являлось формирование правящих блоков с участием влиятельных военных, чиновничьих, технократических и предпринимательских группировок. Именно их коренные интересы выражал опиравшийся на них – и в этом смысле от них зависимый – верховный национальный лидер. Ими же уполномоченный на поддержание и корректировку внутриэлитного (и шире – общественного) консенсуса, имевший возможность играть на противоречиях между его участниками, лидер обладал той мерой самостоятельности, которая позволяла – как Сухарто, так и Пак Чжон Хи – оказывать серьезное воздействие не только на конкретные события, но и на долгосрочные политические процессы.

Различия же проявились как в особенностях индонезийского политического режима, так и в степени эффективности осуществления модернизации. Если говорить о последнем аспекте, то стратегия развития, выработанная в эпоху Пак Чжон Хи, обеспечила более устойчивый и результативный рост, большее социальное наполнение преобразований. В частности, «Движение за новую деревню», начатое Паком, способствовало аграрной модернизации и определенному смягчению разрывов между городом и деревней. В сравнении с этим система бюрократического капитализма, утвердившаяся при Сухарто, оказалась более уязвимой, что проявилось в годы Азиатского кризиса (не обошедшего, впрочем, ни одну из двух стран).

Успешное экономическое развитие Южной Кореи способствовало росту среднего класса, что открыло дорогу последующей демократизации. Объективно политический режим Пак Чжон Хи «работал» на это, несмотря на жесткость принятой им в последние годы системы «Юсин» и трагический конец самого лидера. В этом плане правление Сухарто (особенно учитывая его политическое долголетие) было более безальтернативным. Не случайно после его ухода Индонезия испытывает

дефицит крупных политических руководителей, что осложняет перспективу политической демократизации и дальнейшего развития страны.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. *Прозоровский А.С.* Сухарто и модернизаторский авторитаризм в Индонезии // Глобализация и регионализация в современном мире. Материалы международной научной конференции. 15-20 сентября 2001 г. Ростов-на-Дону, 2001, с. 94 – 103.

2. *Прозоровский А.С.* Политическое лидерство в модернизирующихся обществах // Мировая экономика и международные отношения в начале XXI века. Актуальные проблемы глазами молодых ученых. М., ИМЭМО, 2004, с. 54 – 60.

3. *Прозоровский А.С.* Модернизаторский авторитаризм в Индонезии и Южной Корее // МЭиМО, М., 2004, № 7., с. 83 – 92.

Подписано в печать 15.12.2006 Формат 60х84/16
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Объем 1,5 п.л. 1,2 а.л. Тираж 100 экз. Заказ 60
ИМЭМО РАН
117997, Москва, Профсоюзная, 23